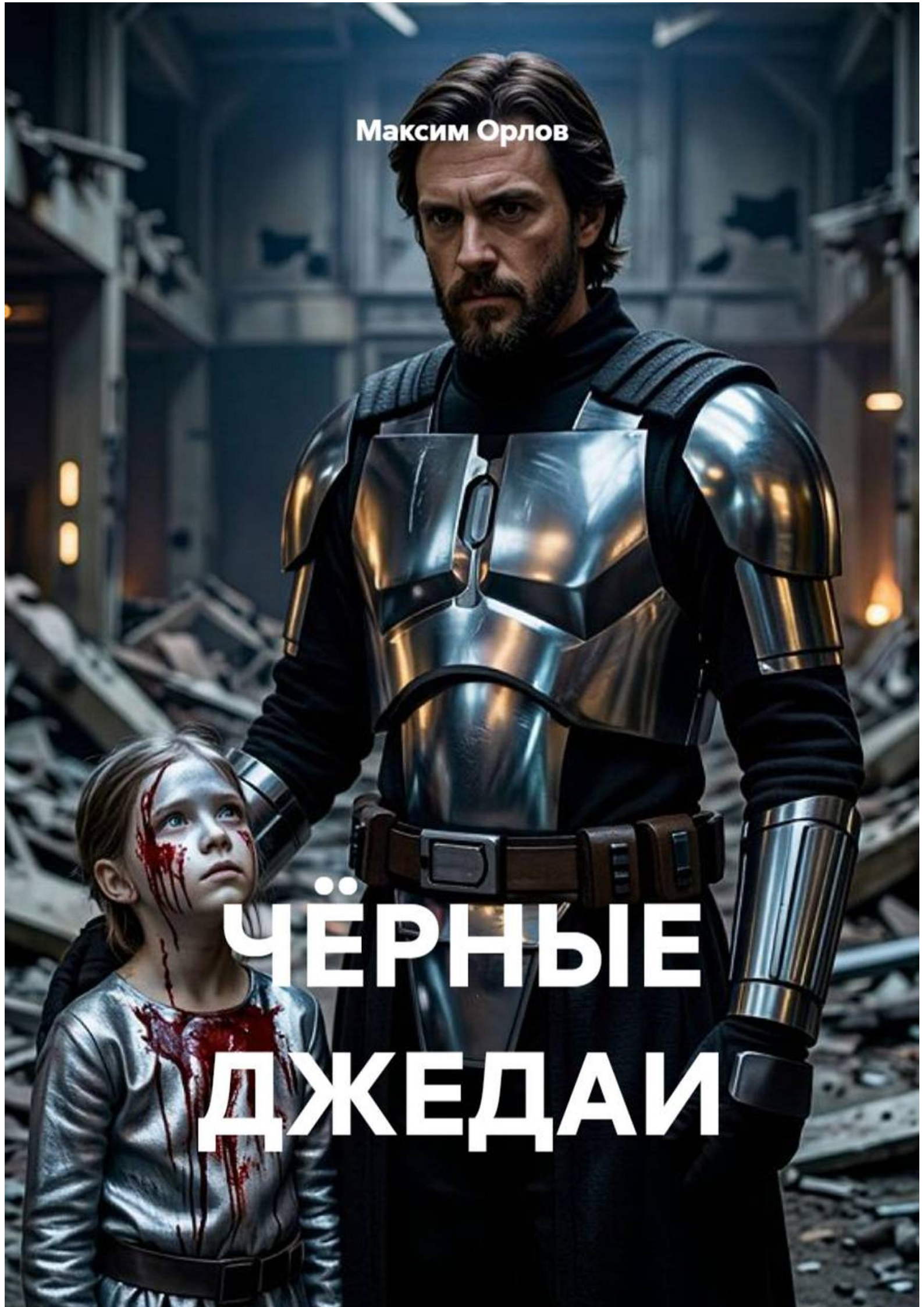

Максим Орлов

ЧЁРНЫЕ ДЖЕДАИ

Максим Орлов

ЧЁРНЫЕ ДЖЕДАИ

«Автор»

2026

Орлов М. В.

ЧЁРНЫЕ ДЖЕДАИ / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Корусант пал, Орден джедаев уничтожен, но Кайлен Вэйл выжил, потеряв всё. Два года назад он стал Чёрным Джедаем — наёмником, служащим не Свету и не Тьме, а металлу. Его броня из русина, редкого металла с планеты Русь, резонирует с Силой, заменяя ему всё, что осталось. Когда доктор Саарин предлагает забрать с Камино девочку с серебристой кровью, Кайлен соглашается — не ради спасения, а ради трёх слитков русина. Но Заря, клон с нанодроидами древних Раката в венах, оказывается не просто грузом: её кровь поёт с его бронёй, пробуждая то, что он подавлял два года, — память, боль, человечность. Преследуемый Пятым Братом, инквизитором, который когда-то был его другом, Кайлен вместе с пилотом имени Ривен Сторм должен уйти от Империи. На Датомире Морган Элсбет предлагает сделку, а на базе «Скрытого Пути» Калоун Рокен требует снять броню. Выбор стоит между металлом и кровью, между инструментом и человеком, между прошлым, которое убило всё, и будущим, которое ещё можно спасти.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5
ПРОЛОГ. ПЛАВКА	8
ГЛАВА 1. КАНТИНА «ПЬЯНЫЙ АСТЕРОИД»	11
ГЛАВА 2. СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК	15
ГЛАВА 3. ПОГРУЖЕНИЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ЧЁРНЫЕ ДЖЕДАИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга родилась из вопроса, который долго не давал мне покоя: что происходит с теми, кто выжил после Приказа 66, но не стал ни повстанцем, ни охотником на джедаев, ни беглецом, прячущимся в тени? Галактика после падения Республики — это не только Люк Скайуокер, растущий на Татуине, и не только Вейдер, выковывающий свой доспех на Корусанте. Это миллионы людей, которые живут в щелях между большими историями, в секторах, куда имперские патрули заглядывают раз в год, на планетах, которые ещё не успели нанести на новые карты.

Действие романа разворачивается в 17–16 годах до Битвы при Явине. Это время, когда Империя ещё не стала монолитом, когда Внешнее Кольцо жило по своим законам, когда Инквизиториус только набирал силу, а старые республиканские гипертрассы превращались в ловушки. Канон Звёздных Войн даёт мне каркас — Корусант, Камино, Датомир, Пятый Брат, Бейл Органа, «Скрытый Путь» — но внутри этого каркаса я строю собственное здание.

Здесь появляется то, чего вы не найдёте в фильмах и книгах.

Планета Русь — мир в Неизведанных Регионах, приливно заблокированный красным карликом, где жизнь возможна только в узкой сумеречной зоне. Это планета-кузница, где металл добывают не ради прибыли, а ради выживания, где Гильдия Мастеров заменяет правительство, где кислотные дожди разъедают незащищённую сталь за недели. Русь — не планета джедаев и не планета ситхов. Это планета рабочих, для которых Сила — не религия и не оружие, а инструмент, как молот или нож.

Русин — металл, которого нет в каноне. Я придумал его, потому что мне нужен был материал, который работал бы не как меч или броня, а как живой симбионт. Русин поглощает свет, помнит владельца, резонирует с Силой, прорастает под кожей через тысячи микроигл. Это не волшебство — у него есть физика, цена, побочные эффекты. Потеря брони равносильна ампутации. Длительное ношение перестраивает нервную систему. Эмоции вызывают деформацию металла. Русин — это не усиление героя, это его ограничение, его клетка, его выбор.

Чёрные Джедаи — или Цех, как они называют себя сами — это не третья сторона в конфликте Света и Тьмы. Это отказ от самой идеи сторон. Их кодекс прост: «Нет Света — есть Пламя горна. Нет Тьмы — есть Удар молота. Нет Баланса — есть Изделие». Они не джедаи, потерявшие веру, и не ситхи, сменившие вывеску. Они — кузнецы, для которых Сила — это весы, уголь и рычаг пресса. Кайлен Вэйл, главный герой, прошёл этот путь не по идеологическим соображениям, а потому что у него не осталось другого способа нести боль, которая пришла к нему в ночь Приказа 66.

Древняя Кузня — биомеханический организм на дне океана Камино, построенный Рака-той и адаптированный каминоанскими генетиками. Раката — каноничная раса Звёздных Войн, строители бесконечных гиперврат, исчезнувшая за тысячи лет до событий саги. Я не придумываю им новую историю — я беру то, что уже есть, и вписываю в неё свой элемент. Кузня не плавит металл в огне — она поёт ему, размягчая русин гармоническими частотами. Это не магия — это технология, которую мы не понимаем, как не понимали её каминоанцы, нашедшие её тридцать лет назад.

Заря — девочка-клон пятой фазы с серебристой кровью, в которой спят нанодроиды Ракаты. Она — не оружие, не ключ, не ресурс. Она — память. Память всего, что с ней соприкасалось. Она видит мир не глазами, а через частоты, через резонанс, через вибрацию. Для неё Кайлен — не человек, а вибрация металла. Для неё Ривен — не пилот, а частота страха

и защиты. Она — зеркало, которое показывает каждому его настоящее «я», без масок, без брони, без лжи.

Я знаю, что некоторые читатели Звёздных Войн настороженно относятся к оригинальным элементам. Позвольте объяснить мою позицию. Канон — это не музей, где всё застеклено. Это живая вселенная, которая расширяется с каждым новым рассказом, каждым новым взглядом. Лукас взял вдохновение из самурайских фильмов, вестернов, Второй мировой войны, мифологии — и создал нечто новое. Я делаю то же самое — беру канон и добавляю в него индустриальную эстетику, русскую культуру труда, философию Цеха, где работа важнее идеологии.

Русские имена — Кайлен Вэйл, Ривен Сторм, Саарин — не случайность. Это не попытка «русифицировать» Галактику. Это признание того, что в огромной вселенной Звёздных Войн есть место для культур, которые мы не видели на экране. Незведанные Регионы — это буквально неизведанное, и там могут жить люди с любыми именами, любыми традициями, любым взглядом на мир.

Стиль этого романа — не приключенческий боевик и не космическая опера в духе оригинальной трилогии. Это сплав психологизма Урсулы Ле Гуин, кинематографичности Андрея Ливадного и причинной строгости Максима Орлова. Здесь техника — живой объект, здесь каждая деталь имеет цену, здесь каждая эмоция проходит через тело, здесь каждый выбор имеет последствие. Если вы ищете лёгкого чтения о джедаях, спасающих Галактику, — эта книга не для вас. Если вы готовы к медленному, тяжёлому, телесному повествованию, где герой не спасает мир, а несёт в нём надежду, как несут раскалённый слиток, — добро пожаловать.

Я не обещал, что будет легко. Я обещал, что будет честно.

Честно — значит, что Кайлен убил своего падавана. Не клоны. Он сам. В состоянии тёмной ярости, в ту ночь, когда Храм горел. Это не спойлер — это факт, который раскрывается в первой главе. Вся книга — это не о том, как он стал Чёрным Джедаем. Вся книга — о том, как он учится нести эту правду, не ломаясь под её весом.

Честно — значит, что Ривен не героиня. Она пилот, который пять лет назад не успел спасти всех детей на Мустафаре, и теперь она везёт Зарю не потому, что она добрая, а потому, что она не может позволить себе ещё одну неудачу. Её трещина в шее, полученная на дне океана Камино, будет болеть до последней страницы. Её корабль, «Соловей-Разбойник», умрёт, потому что корабли в этой книге — не бессмертные друзья, а инструменты, которые ломаются.

Честно — значит, что Заря не милая девочка, которую нужно спасти. Она — частота, которая меняет всех, кто к ней прикасается. Она показывает Пятому Брату лицо джедая, которым он был до боли. Она показывает Кайлену правду о Тионе. Она показывает Ривен, что она не курьер, а защитник. Она — не персонаж, а катализатор.

И честно — значит, что Империя здесь не злодей из сказки. Адмирал Трен — инструмент системы, который не хочет убивать девочку, но сделает это, потому что инструмент не выбирает. Пятый Брат — Кир — не монстр, а сломанный человек, который выбрал боль, потому что не смог выбрать ничего другого. Морган Элсбет — не ведьма из страшилки, а прагматик, который готов торговаться с дьяволом, чтобы спасти свой народ. Бейл Органа — не святой, а политик, который рискует всем, потому что не может позволить себе не рисковать.

Эта книга — не о добре и зле. Она о выборе. О том, что значит быть человеком в мире, где металл важнее крови, где инструмент важнее мастера, где работа важнее жизни. О том, что значит нести надежду, когда надежда тяжелее любой брони. О том, что значит выбрать кровь, когда металл предлагает забыть боль.

Если вы готовы к этому — читайте.

Если нет — положите книгу. Галактика Звёздных Войн огромна, и в ней найдётся история, которая вам подойдёт.

Но если вы останетесь — знайте: я не обещал, что будет легко. Я обещал, что будет честно.

И я сдержу это обещание.
— Автор, октябрь 2026

ПРОЛОГ. ПЛАВКА

Корусант горел, и огонь этот был виден с орбиты, где звёздные разрушители класса «Имперский» зависали над мегаполисом, похожие на хищных птиц, выжидающих, когда жертва перестанет дёргаться. Турболазеры с их бронированных спин выплёвывали в атмосферу зелёные лучи, плавили дюралесталь жилых ярусов, превращали небоскрёбы в потоки раскалённого металла, стекавшего по уровням вниз, в нижние этажи, где ещё вчера жили миллионы, а сегодня кишели огонь и дым.

Кайлен Вэйл бежал по коридору Храма джедаев, ноги скользили по мрамору, пропитанному кровью, в ушах звенело от бластерных выстрелов, от криков, от треска световых мечей, рассекающих плоть и кость. Ему было сорок два года, и за двадцать пять лет службы Ордену он ни разу не бежал так — ни на Джеонозисе, ни на Мустафаре, ни в сотне других боёв, где смерть ходила рядом. Сейчас смерть была не снаружи, а внутри, в каждом коридоре, в каждой тени, в лицах клонов, с которыми он воевал пять лет.

Его падаван Тион рванул впереди, прижимая к груди голокрон. Мальчику было пятнадцать, зелёный клинок его меча отбрасывал на стены дрожащие тени, которые метались, как живые, словно сами стены Храма пытались убежать от того, что в них происходило. Кайлен помнил, как три месяца назад выдавал Тиону этот меч, как мальчик держал его впервые, как руки его дрожали от волнения, как глаза блестели от гордости. Теперь эти же глаза были полны страха, который Кайлен узнал, потому что сам чувствовал то же самое.

— Мастер, они везде, — выдохнул Тион, когда они свернули в восточное крыло.

Окна выходили на площадь, залитую оранжевым светом пожаров. Кайлен увидел, как над городом проносится эскадрилья LAAT-канонерок, как с их турелей стреляют по бегущим внизу людям. Один из снарядов попал в жилой блок. Блок рушился медленно, как в кошмаре, и из облака пыли вылетали фигуры в белой броне клонов, с бластерами наготове, с визорами, в которых не было ничего человеческого.

Сила в Кайлене теперь была не рекой, не потоком. Она стала чем-то тяжёлым, мутным, как вода после наводнения. Каждый шаг давался с трудом, потому что Сила сама будто сопротивлялась тому, что происходило в Храме, будто стыдилась того, во что её превратили. Кайлен чувствовал каждого джедая, умирающего в этих коридорах, чувствовал их страх, их боль, их последнее отчаяние. Это было хуже любой раны, потому что он не мог помочь, не мог спасти, не мог даже закрыть им глаза.

Тион остановился у архива. Его руки дрожали, когда он тянулся к голокрону, лежавшему на верхней полке. Кайлен хотел крикнуть ему, чтобы тот бежал, чтобы они бросили этот проклятый артефакт, чтобы спасались. В эту секунду дверь архива распахнулась. На пороге встал клон-командир в белой броне, покрытой копотью, с бластером DC-15A в руках. За его спиной виднелись ещё четверо таких же. Кайлен увидел на плече командира эмблему 501-го легиона и понял, что это те самые клоны, с которыми они воевали пять лет, которых он учил, вёл в бой, которым доверял свою жизнь.

Тион повернулся. Зелёный клинок его меча вспыхнул, отбрасывая на лицо мальчика зелёный же свет, который делал его похожим на мертвеца. Кайлен увидел, как падаван делает шаг вперёд, как замахивается, как кричит что-то, чего Кайлен не расслышал за звоном в ушах. Увидел, как бластерные болты, выпущенные сразу четырьмя клонами, попадают в грудь мальчику, в плечо, в бедро. Увидел, как Тион падает, как зелёный клинок гаснет, как крик обрывается на полуслове.

Кайлен не помнил, как убил клонов. Он помнил только, что его меч двигался сам. Сила в нём стала не мутной, а чёрной, как нефть. Он чувствовал каждое движение, каждый удар, каждый хрип умирающего. Ему это нравилось, и это чувство было страшнее самой смерти.

Когда последний клон упал, Кайлен стоял над телом падавана. Руки его дрожали. Он понимал, что не может забрать голокрон, не может забрать тело, не может даже закрыть Тиону глаза. За дверью уже слышались шаги, бластерные выстрелы, голоса, зовущие его по имени.

Он бежал через служебные туннели, через канализацию, через катакомбы под Храмом, где когда-то прятался во время Войн Клонов. Теперь эти же туннели спасали ему жизнь. Он бежал, пока ноги не перестали слушаться, пока в груди не стало так больно, что каждый вдох казался последним, пока не выбрался на поверхность, в нижний уровень Корусанта, где пахло гнилью и машинным маслом, где никто не спрашивал, кто ты и почему бежишь.

Три дня Кайлен прятался в подвале заброшенного склада на уровне 1313. За эти три дня он понял, что Сила в нём изменилась. Она больше не была ни Светом, ни Тьмой. Она стала чем-то иным — инструментом, как молот, как нож, как огонь. Он мог использовать её, не молясь, не следуя кодексу, не слушая голосов мёртвых мастеров, а просто работая, как работает кузнец, выковывающий меч. Он вспомнил, что слышал о планете Русь в Неизведанных Регионах, о металле, который там добывают, о русине, который резонировал с Силой, который помнил владельца, который пил свет и отдавал тепло. Он понял, что этот металл — то, что ему нужно. Не оружие джедая, не оружие ситха, а оружие рабочего, воина, того, кто отказался от обеих сторон.

Контрабандист на Нар Шаддаа согласился доставить его на Русь за половину заработка. Полёт длился две недели на старом грузовике класса YT-2400, который пах горелой изоляцией и синтетическим кофе, который трясло так, что зубы ныли от постоянной вибрации. Гиперпространство было не тихим. Оно гудело, вибрировало, давило на обшивку с такой силой, что Кайлен чувствовал, как его кости резонируют в такт с двигателями. Звёздные линии за иллюминатором казались ему похожими на гной, вытекающий из раны в ткани реальности.

За эти две недели Кайлен не спал. Каждый раз, когда он закрывал глаза, он видел зелёный клинок падавана и четырёх клонов в белой броне. Каждый раз просыпался в холодном поту, с руками, сжатыми в кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони до крови. Контрабандист, родианский старик по имени Джарек, не задавал вопросов. Однажды, когда они вышли из гиперпространства для дозаправки на станции в системе Хатта, Джарек посмотрел на него и сказал: «Ты пахнешь пеплом, парень. Корусантским пеплом. Я видел таких, как ты. Они не живут долго».

Русь оказалась миром, который Империя ещё не успела пометить на своих картах. Планета была приливно заблокирована красным карликом. Одна сторона вечно обращена к звезде, другая погружена во мрак. Жизнь возможна только в узкой сумеречной зоне между ними, где небо всегда затянуто низкой, тяжёлой свинцовой хмарью, где постоянные кислотные дожди разъедают незащищённый металл за считанные недели, где атмосфера перенасыщена металлической пылью и парами ртuti, горизонт всегда скрыт в багровой дымке.

Города на Руси не были городами в привычном понимании. Это были Кузни — колоссальные промышленные комплексы, построенные прямо на выходах русиновой руды. Переплетения труб, доменных печей, конвейерных лент и крекинг-установок уходили на километры вглубь планеты. Здесь не было солнечного света. Единственными источниками освещения оставались оранжевое свечение расплавленного металла и мертвенно-голубой свет плазменных резаков. Местные жители — высокие, молчаливые люди с глазами цвета стали — были членами Гильдии, где не было ни аристократии, ни политиков, только Мастера, Подмастерья и Угольщики. Статус определялся не рождением, а умением чувствовать металл.

Старик с руками, покрытыми ожогами, принял Кайлена без вопросов. На Руси не спрашивали, кто ты и зачем прилетел. Смотрели, как ты держишь молот. Кайлен держал его правильно, с тем самым чувством веса, которое не купишь ни за какие кредиты. Старик кивнул, повёл его в Кузню-Глубину, туда, где на глубине трёх километров в темноте, в холоде, в запахе сырой земли и металла, впервые открылся русин.

Металл лежал в породе тусклыми серыми жилами. Когда Кайлен протянул руку, чтобы коснуться его, русин отозвался — не вибрацией, не звуком, а теплом, которое прошло по руке, по плечу, по груди. Кайлен почувствовал, как Сила в нём, мутная и тяжёлая после Корусанта, вдруг стала яснее, чище, как вода, которая наконец-то нашла русло. Металл был не холодным, как обычная сталь. Он имел температуру человеческого тела. На ощупь был не гладким, а шершавым, почти каменным. Когда Кайлен ударил по нему пальцем, звук получился не звенящий, а глухой, утробный, уходящий в инфразвук, от которого заныли зубы.

Перваяковка произошла через неделю. Кайлен помнил её так ясно, что каждый раз, когда закрывал глаза, видел этот момент — Кузня-Глубина, каменный стол, ремни из кожи ранкора, которыми его привязали, Мастер, стоящий над его обнажённой грудью с каплей жидкого русина, светящейся не оранжевым, как сталь, а глубоким, внутренним фиолетовым светом.

— Не кричи, — сказал Мастер, и голос его был ровным, как поверхность наковальни. — Крик — это деформация. Ты портишь изделие.

Капля упала. Кайлен почувствовал, как его кожа вскипает, как русин не прожигает плоть, а ищет нервы, как ползёт под кожей, как тысяча ледяных червей, как входит в вены. Мастер сказал, чтобы он дышал вместе с металлом, чтобы тот пил его свет, пить его боль, чтобы он дал ему всё, чтобы стал пустым.

Кайлен смотрел на свою руку. Пальцы его начали чернеть. Металл выходил через поры, покрывая кожу матовой броней. Боль уходила. Вместе с ней уходили все чувства, память о матери, радость, страх. Осталась только тишина — ровная, холодная, вечная. Мастер сказал, что теперь он не человек, а инструмент. Кайлен поверил, потому что чувствовать было больше нечего.

Прошло два года с того дня. За эти два года Кайлен Вэйл стал тем, кого боялись на Внешнем Кольце, кого искали Инквизиторы, кого не могли поймать имперские патрули. Он брал заказы на Нар Шаддаа, на Татуине, на Корусанте, на сотне миров, где Империя ещё не установила полный контроль. Русин на его броне помнил каждый бой, каждый удар, каждую каплю крови.

Он выкрал контрабандиста с имперской тюрьмы на Кесселе, получил координаты тайного склада с оружием. Он уничтожил отряд инквизиторов на Лотале, получил слиток чистого русина. Он спас группу джедаев-беженцев на Илируме, получил карту безопасных маршрутов через Внешнее Кольцо. Он не делал это ради мести, не делал ради Света или Тьмы. Он делал это, как кузнец бьёт молотом по наковальне, не спрашивая, зачем, а просто работая, потому что работа была тем, что оставалось.

Металл пел, когда Кайлен входил в кантину, когда он садился за стол, когда он ждал. Песня эта была тихой, почти неслышной. Кайлен слушал её, потому что металл всегда помнит. Кайлен тоже помнил — зелёный клинок, крик падавана, четырёх клонов в белой броне. Он знал, что память эта никогда не исчезнет, что он будет нести её, пока русин на его броне будет петь, пока Сила в нём будет течь, пока он будет жив.

Впереди был новый заказ. Впереди было Камино. Впереди была девочка с серебристой кровью, которую Кайлен ещё не видел, но уже знал, что она изменит всё. Он не знал, как именно, не хотел знать, потому что Цех — орден кузнецов-воинов, отказавшихся и от Света, и от Тьмы — не задавал вопросов о будущем, а делал работу, которая стояла перед ним, ждал, когда металл скажет, куда идти дальше.

ГЛАВА 1. КАНТИНА «ПЬЯНЫЙ АСТЕРОИД»

Воздух в кантине имел вкус старой меди, смешанной с прогорклым кетрилом и тем сладковатым, почти тошнотворным ароматом, который выделяли поры тви'лекши, танцевавшей на сцене в двадцати шагах от углового столика. Девушка с кожей цвета перезрелого персика извивалась под гудение басов. Два её легку трепетали в такт музыке, отбрасывая на низкий потолок рваные, дрожащие тени. Музыка доносилась из динамиков, давно потерявших полувину мембран, — тяжёлый родианский джаз с хриплым саксофоном, игравшим где-то на грани расстройки. Каждый бас отдавался в груди Кайлена тупым, глухим толчком, напоминавшим удар молота по рёбрам.

Кантина «Пьяный астероид» была вырезана из корпуса старого республиканского корвета класса Hammerhead. Такие машины Война Клонов отправили на дно корусантских океанов сотнями. Кто-то очень изобретательный притащил один из обломков в сектор Тартар, нацепил на него маршевые двигатели Incom с разбитого грузовика, прикрутил шлюзы, прорезал иллюминаторы, превратил корабельное брюхо в вращающийся вместе с мёртвым астероидом бар, висевший над красным карликом. Потолок здесь был низким. Кайлен, даже сидя, чувствовал, как макушкой почти достаёт до пучка проводов, свисавших у аварийного люка. За переборкой неровно гудел реактор — гудел с хрипотцой, как лёгкие старого курильщика. Этот гул проникал в кости, в зубы, в самую середину черепа.

За стойкой, обшитой потрескавшимся пластиком цвета запёкшейся крови, бармен-труть — шестиногий, с хитином, покрытым жирной плёнкой, — лениво смахивал мух-дронов с грязных стаканов. Мухи жужжали, натывались на невидимый силовой барьер над стойкой, падали обратно, поднимая облачка пыли, оседавшей на липкой поверхности стола. Справа от Кайлена, за соседним столиком, трое трандошан в потёртых кожаных жилетах играли в сабакк на пальцах. Один из них, с обломанным клыком и шрамом через всю морду, выиграв партию, зарывал так, что со стола напротив слетел стакан. Покатившись по полу, он звякнул о сапог вуки-дальнобойщика, который, не поднимая головы, пнул его обратно, продолжая пить что-то синее из фляги, с татуировкой мёртвого Гайямского профсоюза, выжженной на плече.

Кайлен Вэйл почти не пил.

Стакан с кореллианским виски, стоявший перед ним, запотел. Капля медленно стекала по стеклу, оставляя мокрый след на пластике. Кайлен не тянулся к напитку, потому что слушал — не Силой, которая в нём теперь была похожа на старый, глухой колодец с водой на самом дне, до которой надо нагибаться, а нагибаться он разучился два года назад, на корусантском пепле, когда горел Храм и когда его падаван кричал, а крик оборвался, — а русином, металлом, покрывавшим его грудь, плечи, предплечья, бёдра. Металл вибрировал тихо, так тихо, что никто за столом не услышал бы этого звука. Кайлен чувствовал вибрацию ключицами, рёбрами, кожей под нательником. Русин пил свет — и мигающий неон над баром, и голограмму игрового автомата в углу, и даже тусклое свечение биолюминесцентных желёз на шее тви'лекши. Всё это металл втягивал в себя, делая фигуру Кайлена силуэтом, вырезанным из самой тьмы. Броня не звенела при движении, не отражала огонь, а молчала, как молчит камень, как молчит могила.

Русин на его теле имел температуру человеческого тела. Это было первое, что пугало тех, кто касался брони случайно, — не холод металла, а живое, почти плотское тепло, которое исходило от нагрудника, от наплечников, от перчаток. Это тепло было не теплом крови, а теплом резонанса, потому что металл вступал в симбиоз с нервной системой носителя, прорастал под кожей через тысячи микроигл, которыми его вводили при первой ковке, становился второй кожей, вторыми костями. Потеря этой брони была равносильна ампутации. Кайлен знал это, потому что однажды, на третьем месяце послековки, он попробовал снять наплечник.

Нервная система его взывала фантомной болью, такой, что он потерял сознание. С тех пор не пробовал снова.

Дверь шлюза пискнула — не открылась, а именно пискнула, как старая мышь, застревающая в щели. В кантину вошёл человек, которого Кайлен узнал по запаху раньше, чем увидел. Запах был правильный — антисептик, горелая изоляция. Под всем этим тонкий, кислый, как прокисшее молоко, страх — страх человека, который слишком долго бежал и теперь, войдя в освещённое помещение, понял, что бежать больше некуда.

Доктор Саарин протискивался между столами, прижимая к груди дипломат из искусственной кожи. Был он высоким, но сторбленным, точно нёс на плечах невидимый груз. Халат, когда-то белый, теперь носил оттенок грязной воды, с жёлтыми пятнами у воротника — потом, или реактивной пылью, или чем-то похуже. Лицо у него было острое, с впалыми щеками, кожа сероватая, как у человека, годами не видевшего солнца. Под глазами синие мешки, в которые можно было прятать кредитные чипы. Руки дрожали — не мелко, крупно, всем предплечьем, так что дипломат в его пальцах ходил ходуном. Саарину было около шестидесяти, но выглядел он на все семьдесят — годы на Камино, годы работы с эмбрионами, годы страха перед тем, что придёт Империя, стерли его, как кислотный дождь на Руси стирает металл.

Он огляделся. Взгляд его скользнул по трандошанам — отвёл глаза мгновенно, — по вуки — сжался, — по тви'лекше на сцене — задержался на секунду. Кайлен усмехнулся про себя, потому что даже в страхе человек оставался человеком. Наконец взгляд уткнулся в тёмное пятно в углу, где сидел Кайлен, в пятно, которое не отражало неон, не ловило свет, а просто было — провалом в пространстве, силуэтом, вырезанным из ночи.

Саарин сглотнул. Кадык дёрнулся. Он подошёл, остановился у стола, не решаясь сесть. Кайлен посмотрел на его руки, на то, как дрожит дипломат, на то, как по виску учёного стекает капля пота и терется в седой щетине.

— Садись, доктор, — сказал Кайлен. Голос у него был тихий, низкий, с тем самым каменным скрежетом, который пугал даже трандошан, потому что в этом голосе не было ни угрозы, ни обещания, а была только пустота, холодная и ровная, как поверхность русина.

Саарин сел. Стул под ним скрипнул громко, противно. Учёный дёрнулся, как от удара, поставил дипломат на стол, не разжимая пальцев, сказал голосом сухим, с хрипотцой, как будто он давно не пил:

— Тебя рекомендовали на Нар Шаддаа, командор. Сказали: не задаёт вопросов, делает работу, не предаёт.

— Меня рекомендовали плохо, — ответил Кайлен. — Я задаю вопросы. Много. Просто мои вопросы заканчиваются там, где у других начинается молитва.

Он кивнул на дипломат. Саарин снова сглотнул, огляделся. Трандошане перешли на родианский, их гортанные рыки перекрывали музыку. Вуки налил себе чего-то синего из фляги и пил, не отрываясь. Тви'лекша закончила танец, ей кинули кредитку, которую она поймала зубами, не прерывая движения. Никто не смотрел, никто не слушал, потому что в кantine «Пьяный астероид» каждый был занят своим делом. Делом здесь было забыться.

Саарин открыл дипломат. Защёлкнутый замок щёлкнул громко, как выстрел. Учёный дёрнулся ещё раз. Внутри оказался голопроектор старого республиканского образца, с потёртой латунной окантовкой и трещиной на линзе. Саарин нажал кнопку. Над столом повисла голограмма — голубая, с рябью, с артефактами, потому что линза была битая. Узнать можно было.

Типока-Сити.

Только не тот, что помнила Галактика, не тот, что был — со шпилями, уходящими в облака, с куполами, в которых отражались молнии вечного шторма, с миллионами окон, за которыми росли солдаты Республики. Теперь шпили были срезаны, купола пробиты, как яйца.

Океан — серый, мутный, с плавающими обломками пластика и металла. Где-то вдалеке, на голограмме, ползал имперский зонд — чёрная точка на сером фоне.

— Красиво, да? — сказал Саарин. Голос у него стал тише, почти интимный. — Я там родился, в нижних уровнях. Мне было семь, когда меня забрали в академию. Я помню, как пахнет океан Камино на рассвете — солью и чем-то электрическим, как перед грозой.

Он помолчал, провёл ладонью по голограмме. Она пошла рябью.

— Они не просто утилизировали планету, командор. Они её выпотрошили. Палпатин забрал все данные — каждый файл, каждый эмбрион, каждую формулу. Типока-Сити затопили намеренно, чтобы нижние уровни никто не нашёл, чтобы никто не знал, что там было.

— Что там было? — спросил Кайлен.

Саарин посмотрел на него впервые прямо в глаза. В его глазах на секунду вспыхнуло что-то — не страх, а гордость, безумная, липкая гордость учёного, который знает то, чего не знают другие.

— Кузня, — сказал он. — Древняя. Ракатанская. Только не завод и не храм, а живой организм, выросший в литосферу на глубине одиннадцати километров. Мои коллеги нашли её тридцать лет назад. Мы не захватили её — мы её вырастили, перестроили под русин, под наш металл.

Кайлен замер. Русин на его груди отозвался не вибрацией, а гулом — тихим, тягучим, как гудение высоковольтного провода. Кайлен почувствовал, как металл нагрелся, впервые за долгое время. Он вспомнил, как Мастер на Руси говорил ему, что Кузня не плавит металл в огне, а поёт ему, что гармонические частоты размягчают русин до состояния густой смолы, что только так можно выковать броню, которая будет не одеждой, а второй кожей.

— Раката, — сказал он, не спрашивая, а утверждая.

— Адаптированная, — кивнул Саарин. — Биомеханический симбионт. Там, на дне, до сих пор горит огонь, тридцать лет горит. Никто не знает — ни Сенат, ни Джедаи, ни те, кто убил Джедаев.

Кайлен молчал, слушая, как гудит русин, как гудит реактор за переборкой, как трандошанин за соседним столом рычит на партнёра, проигравшего партию, как тви'лекша смеётся — тихо, устало, с кем-то у бара.

— Империя вернётся, — сказал Саарин. Голос у него снова дрогнул. — Через три цикла, адмирал Трен. Они хотят залить нижние уровни плазмой, чтобы ничего не осталось, чтобы Кузня стала мифом.

Он наклонился ближе. От него пахло потом и чем-то ещё — сладковатым, химическим, реактивной пылью или лекарствами.

— Я могу вывести тебя к Кузне. Я знаю коды, я знаю, как обойти сенсоры. Мне нужна эвакуация. Мне нужно, чтобы ты забрал Груз.

— Груз, — повторил Кайлен. — Ты опять за своё. Что в нём, я так и не понял.

Саарин посмотрел на него долго. Потом медленно, как старик, достал из внутреннего кармана халата маленький контейнер — вакуумный, с толстым прозрачным стеклом. Внутри была жидкость — густая, вязкая, с медленно оседающими хлопьями. Жидкость эта была не красной. Она была серебристой. Она светилась тускло, холодно, как лунный свет на снегу. Когда контейнер оказался на столе, русин на Кайлене запел — не загудел, а запел, тихо, почти неслышно. Кайлен почувствовал эту песню всем телом, от ключиц до пальцев в тяжёлых перчатках. Металл нагрелся ещё сильнее. Впервые за долгое время Кайлен почувствовал, что броня живая.

И тут он вспомнил, как Мастер на Руси говорил ему, что нанодроиды в крови Зари — это не оружие, а споры Кузни, что в теле девочки они поддерживают ту же резонансную частоту, что и сама Кузня на дне океана, что девочка — это живая, портативная Кузня, что именно

поэтому его броня запела, когда контейнер оказался на столе, — она почувствовала присутствие части того, что её создало.

— Девочка, — выдохнул Саарин. — Клон, пятая фаза, но не та, что мы делали для Республики. В её крови нанодроиды, ракатанские. Мы впили их в эмбрион. Она — ключ, командор. Она может плавить русин без Кузни. Она может быть Кузней.

Кайлен смотрел на серебристую кровь. Он вспомнил запах горящего храма, вспомнил, как плавился световой меч его падавана — зелёный клинок, который он сам ему выдал, — как падаван кричал, как крик оборвался. Вспомнил, что Сила для него теперь не религия, не путь, а ресурс, как вода, как воздух, как металл. Этот ребёнок был самым ценным ресурсом в Галактике.

— Империя хочет её сжечь, — сказал Саарин. — Сенат — изучить, сепаратисты — купить. Я хочу, чтобы она просто жила. Забирай её, отвези на Русь. Там есть те, кто заплатит за неё горы золота.

— Мне не нужно золото, — прервал его Кайлен.

Он протянул руку. Перчатка — тяжёлая, тёмная, с шершавым русином на костяшках, — легла на контейнер. Металл отозвался теплом, не жаром, а теплом, как будто кто-то приложил к груди ладонь. В эту секунду Кайлен почувствовал, как что-то шевельнулось в груди — не в русине, а глубже, там, где два года назад была боль. Он подавил это движение, как подавлял каждое подобное движение, потому что Цех учил его, что эмоция — это деформация, что крик — это брак, что он должен быть пустым, как металл. Он стал пустым. Броня его снова замолчала.

— Мне нужен русин, — сказал Кайлен Вэйл. — Сырой, необработанный, три слитка, координаты Кузни.

Он поднял контейнер. Серебристая кровь качнулась внутри. Русин на его броне запел громче. Кайлен почувствовал, как по позвоночнику идёт тёплая волна, впервые за долгое время.

— Девочка — это просто цена за проезд, доктор.

Саарин кивнул быстро, слишком быстро. Вытер пот со лба рукавом халата. На рукаве осталось мокрое пятно.

— Договорились, — выдохнул он. — Три слитка, координаты. Чтобы её не мучили, обещаете?

Кайлен посмотрел на него долго. Потом медленно убрал контейнер во внутренний карман нательника. Металл на груди остыл. Песня стихла.

— Я ничего не обещаю, доктор, кроме того, что ты доживёшь до Камино.

Саарин кивнул, встал, забрал дипломат. Ушёл быстро, прижимая дипломат к груди, как щит. Кайлен остался сидеть, слушая, как гудит реактор, как трандошане ругаются на родийском, как тви'лекша начинает новый танец под другую песню, более быструю, как вуки за соседним столом рыгает так, что со стола падают стаканы, как бармен-трутень стучит шестью ногами по полу, отгоняя мух.

Где-то в кармане нательника, в вакуумном контейнере, тихо светилась серебристая кровь. Кайлен Вэйл допил холодный виски, поставил стакан на стол, встал. Русин на его броне молчал. Кайлен знал — он вспомнит песню, потому что металл всегда помнит.

Он пошёл к шлюзу. Трандошане замолчали, когда он проходил. Вуки поднял голову, посмотрел ему в спину, быстро отвёл глаза. Тви'лекша на сцене сбилась с ритма. Бармен-трутень перестал отгонять мух. Кайлен вышел в шлюз. Дверь за ним пискнула.

Впереди был мёртвый океан, имперский флот и ребёнок с серебром в венах. Кайлену Вэйлу было плевать на ребёнка. Русин пел. Кайлен всегда слушал, когда пел металл.

ГЛАВА 2. СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Гиперпространство гудело, как тысяча разъярённых пчёл, запертых в жестяной банке, и этот гул проникал сквозь дюрastiльную обшивку «Соловья-Разбойника», сквозь изоляцию, сквозь кости Ривен Сторм, заставляя зубы ныть с такой силой, что хотелось выть в ответ.

Ривен сидела в пилотском кресле, обтянутом потрескавшейся кожей, которую она сама чинила три месяца назад куском синтетической ткани от старого скафандра, и смотрела на звёздные линии, размытые в бесконечные белые полосы, тянущиеся из центра иллюминатора к краям, как будто кто-то растягивал саму ткань реальности, пытаясь разорвать её напополам. Ей было тридцать два года, и за двенадцать лет пилотирования она научилась не смотреть на эти полосы слишком долго — от них начинала кружиться голова, и казалось, что корабль летит не вперёд, а падает куда-то вниз, в бездонную яму, где нет ни верха, ни низа, ни направления.

«Соловей-Разбойник» был старым грузовиком класса YT-1300, который кто-то когда-то любил, а потом бросил умирать на свалке Кореллии, и Ривен нашла его пять лет назад, когда бежала с Мустафара, с планеты, которая всё ещё пахла пеплом и плавленным металлом, где она вывозила беженцев из зоны бомбардировки, пока Вейдер сжигал планету дотла. Корабль держался на честном слове, на изоленге марки «дешёвый бакт» и на инженерном безумии самой Ривен, которая приварила к соплам дополнительные радиаторы от списанного шагохода AT-TE, направила в них выхлоп системы охлаждения кабины и теперь всегда летала в температуре плюс сорок пять градусов, потому что нормальная кофеварка сдохла ещё над системой Хатта, и она варила кофе прямо в турбине охлаждения левого двигателя.

Корпус корабля был лоскутным — стандартная дюрastiловая обшивка в семидесяти процентах площади была заменена на заплатки из листов старого республиканского корвета и обшивки дредноута Торговой федерации, и из-за этого «Соловей» имел «лоскутную» сигнатуру: сканеры то видели старый грузовик, то внезапно ловили эхо тяжёлого крейсера, и это сбивало с толку имперские патрули ровно на полсекунды — ровно столько, сколько нужно было Ривен, чтобы прыгнуть в слепую зону.

Сейчас корабль дрожал всем своим нутром. Двигатели, собранные из трёх разных моделей — Incom, Kuat Drive Yards и чего-то контрабандного с Нар Шаддаа, — были на предельных оборотах, выплёвывая в вакуум струи ионизированного газа, которые светились болезненно-фиолетовым оттенком. Внутри кабины пахло перегретой изоляцией, машинным маслом и тем сладковатым, почти тошнотворным запахом, который выделяли фильтры системы жизнеобеспечения, давно выработавшие свой ресурс, и Ривен знала, что если она не сменит фильтры в ближайшие две недели, у неё начнётся коррозионная лихорадка — состояние, когда из-за окисления воздухопроводов в систему попадает мелкая металлическая пыль, и через два часа начинается идти кровь из носа и лёгких.

На приборной панели мигал красный индикатор. Двигатель номер два перегревался, и температура росла с каждой минутой, и Ривен видела, как цифры на дисплее скачут, как сумасшедшие, и понимала, что если они войдут в атмосферу Камино на текущих оборотах, их сожжёт трением, и от корабля останется только облако плазмы и пепла.

— Камино через один прыжок, — сказала она вслух, хотя в кабине никого не было, кроме неё, и голос её прозвучал хрипло, устало, как будто она не говорила несколько дней. — Если мы войдём в атмосферу на этих оборотах, нас спалит обшивку. Мне нужно сбросить мощность главного реактора на двадцать процентов.

Она ударила кулаком по консоли, и индикатор мигнул, но температура не упала. Ривен выругалась тихо, беззлобно, потому что ругаться на корабль было всё равно что ругаться на старого пса — он всё равно не поймёт, а ты только потратишь силы.

За её спиной, в грузовом отсеке, стоял Кайлен Вэйл.

Ривен не видела его, но чувствовала — не Силой, у неё не было дара, она была обычным человеком, который научился выживать в галактике, где обычные люди жили недолго, а чувствовала его присутствием, тем самым холодом, который исходил от его брони, который проникал сквозь переборки, сквозь воздух, сквозь саму кожу, и который делал его присутствие почти физически ощутимым. Русин на его груди тихо гудел, реагируя на искажения пространства, и этот гул сливался с воем двигателей, создавая диссонанс, от которого у Ривен начинала болеть голова.

Она не любила Кайлена. Не потому что он был Чёрным Джедаем — она видела джедаев, и они были не лучше и не хуже обычных людей, просто с оружием, которое умело резать реальность, — а потому что он был пустым. Пустым, как колодец, из которого выкачали всю воду, и теперь туда можно было бросать камни, и они падали бы долго, прежде чем ударятся о дно, и дна этого не было бы видно никогда.

Ривен знала таких людей. Она видела их на Мустафаре, когда бежала из зоны бомбардировки, — людей, которые потеряли всё, и вместо того чтобы кричать, плакать, умирать, они становились тихими, пустыми, как будто выжженными изнутри, и смотрели на мир глазами, в которых не было ничего, кроме расчёта, и этот расчёт был страшнее любой ярости, потому что ярость можно понять, а расчёт — нет.

— Ты долго будешь смотреть на эти полосы? — голос Кайлена прозвучал тихо, но чётко, перекрывая шум вентиляции, и Ривен вздрогнула, потому что не слышала, как он вошёл.

Она не обернулась. Продолжала смотреть на звёздные линии, на цифры на дисплее, на мигающий красный индикатор.

— Двигатель номер два перегревается, — сказала она, и голос её звучал ровно, без эмоции, как у человека, который слишком устал, чтобы бояться. — Если мы войдём в атмосферу Камино на текущих оборотах, нас сожжёт трением. Мне нужно снизить скорость выхода из гиперпространства. Это добавит час к пути.

— У нас нет часа, — ответил Кайлен. — Доктор Саарин сказал: три цикла. Имперский флот адмирала Трена уже на подходе. Если мы опоздаем, Кузня станет могилой.

— Если мы сгорим в атмосфере, Кузня станет нам недоступна вообще, — парировала Ривен, наконец повернув голову.

Её лицо было бледным, глаза тёмными, с кругами под ними, которые не скрывал даже тусклый свет кабины. Волосы, коротко стриженные и окрашенные в рыжеватый оттенок, торчали в разные стороны, словно их только что ударило током. На шее виднелся шрам — тонкая белая линия, оставшаяся от бластерного ожога, полученного пять лет назад на Мустафаре, когда она вывозила беженцев из зоны бомбардировки, и когда один из снарядов попал в её шаттл, и когда она успела вытащить троих детей, прежде чем корабль взорвался.

Кайлен посмотрел на неё. Его глаза были серыми, как камень, и в них не было ни сочувствия, ни раздражения. Только расчёт.

— Чини двигатель, — сказал он. — У тебя есть девять минут.

Ривен вздохнула, резко развернулась в кресле, и её пальцы, покрытые машинным маслом, с обгрызенными до мяса ногтями, забегали по переключателям. Она сбросила мощность с главного реактора, перенаправив её на вспомогательные контуры охлаждения, балансируя давление в топливных магистралях, и «Соловей» застонал, как раненый зверь, и вибрация усилилась, перешла в низкий, выворачивающий внутренности гул.

— Я делаю всё, что могу, — пробормотала она, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, и на лбу остался чёрный след от машинного масла. — Этот корабль держится на честном слове и изоленге. Если бы у меня были кредиты, я бы купила новый гипердрайв. Но у меня их нет. Как и у тебя, судя по тому, что ты платишь мне обещаниями.

Кайлен не ответил. Он отошёл от неё, подошёл к иллюминатору и посмотрел на звёздные линии. Его броня отражала искажённый свет гиперпространства, делая его похожим на призрак, застрявший между измерениями.

Ривен закончила настройку. Двигатели загудели ровнее, вибрация спала, но напряжение осталось. Она откинулась в кресле, закрыла глаза на секунду, чтобы передохнуть, и в эту тишину, нарушаемую только гулом машины, ворвалось сообщение.

Пик.

Звук был тихим, но Ривен вздрогнула, как от удара током. Индикатор связи замигал зелёным. Зашифрованный канал. Республиканский код. Код Джедаев.

Она знала этот код. Он был старым, тем самым, которым пользовались джедаи во время Войн Клонов для экстренной связи, когда обычные частоты прослушивались сепаратистами. Теперь этот код использовал только один человек — Калоун Рокен, лидер ячейки «Скрытого Пути» в секторе Тартар. Человек, который спасал тех, кого Империя хотела забыть. Человек, который спас Ривен пять лет назад, когда она бежала с Мустафара, когда её шаттл горел, когда она успела вытащить троих детей, прежде чем корабль взорвался, и когда Калоун вывел её через имперскую блокаду, и когда он сказал ей: «Ты сделала своё дело. Теперь делай моё».

Сообщение пришло три минуты назад. Ривен ещё не открыла его. Она боялась.

Если Кайлен услышит это сообщение, если он узнает, кто такой Калоун Рокен, если он поймёт, что Ривен связана с «Скрытым Путём»...

«Скрытый Путь» не был дружественной организацией для наёмников. Для таких, как Кайлен, они были либо угрозой, либо ресурсом. А Заря... Заря была не ресурсом. Она была целью. И если Кайлен узнает, что «Скрытый Путь» хочет спасти девочку не ради денег, а ради принципа, он может изменить условия сделки. Или хуже — он может решить, что Ривен предаёт его интересы.

Ривен медленно, стараясь не издавать звуков, потянулась к консоли связи. Её палец завис над кнопкой воспроизведения.

Она нажала кнопку.

Голос Калоуна Рокена заполнил кабину. Он был тихим, искажённым помехами, но узнаваемым. Старый, уставший голос человека, который видел слишком много смертей, который помнил Республику, помнил джедаев, помнил, какими они были до Приказа 66.

— Ривен. Если ты слышишь это, значит, ты уже взяла заказ. Не отдавай ребёнка Империи. Не отдавай его никому, кто говорит о деньгах. Мы знаем про Кузню. Мы знаем про девочку. Она — не оружие. Она — ключ. Встречаемся у Датомира. Ици Морган. Не доверяй Вэйлу. Он служит металлу, а не жизни.

Сообщение оборвалось. Тишина вернулась, но теперь она была другой. Тяжёлой. Липкой.

Ривен замерла. Её сердце билось так сильно, что она чувствовала удары в горле. Не доверяй Вэйлу.

Она медленно повернула голову. Кайлен всё ещё стоял у иллюминатора. Он не обернулся. Но Ривен почувствовала, что он знает. Не слышал сообщения — нет, динамики были выключены, звук шёл только в её наушник, — но чувствовал. Русин на его груди перестал гудеть. Наступила абсолютная, звенящая тишина.

— Что там? — спросил Кайлен, не оборачиваясь.

Ривен сглотнула. Её горло было сухим.

— Помехи, — сказала она, и голос её не дрогнул, хотя внутри всё сжалось в тугую узел. — Связь плохая в этом секторе. Просто шум.

Кайлен молчал ещё несколько секунд. Потом медленно повернулся. Его серые глаза встретились с её глазами. В них не было сомнения. Была только холодная, расчётливая оценка.

— Шум мешает пилотированию, — сказал он. — Отключи приёмник. Нам нужна концентрация. Через пять минут выход из гиперпространства. Камино ждёт.

Ривен кивнула. Её пальцы дрожали, когда она тянулась к переключателю, чтобы отключить канал связи. Она нажала кнопку. Зелёный индикатор погас. Сообщение Калоуна исчезло, но слова остались. Не доверяй Вэйлу.

Она посмотрела на Кайлена. Он стоял у иллюминатора, и его броня поглощала свет, делая его силуэтом, вырезанным из ночи, и она подумала, что он прав — он служит металлу, а не жизни, и что она должна выбрать: доверить ему Зарю или спасти девочку сама.

И Ривен поняла, что выбор уже сделан. Она не отдаст Зарю Кайлену. Не отдаст Империи. Не отдаст никому.

Она спасёт её. Даже если для этого придётся сжечь «Соловья» вместе с собой.

— Готовность к выходу, — сказала она. — Три... два... один...

Звёздные линии схлопнулись в точки. Реальность ударила по обшивке корабля, как стена. «Соловей» вынырнул из гиперпространства, и перед ними открылся мёртвый, серый мир Камино.

Планета висела в вакууме, как огромный, мёртвый глаз, и океан её был серым, мутным, с плавающими обломками пластика и металла, и над планетой кружили имперские зонды, чёрные точки на сером фоне, и Ривен видела, как один из зондов приближается к ним, и как на приборной панели загорается красный индикатор тревоги, и как Кайлен медленно поворачивается к ней, и как в его глазах она видит не страх, а расчёт, и понимает, что он уже знает, что они не одни.

— Имперский сканер, — сказала она, и голос её звучал ровно, хотя сердце колотилось так, что казалось, оно пробьёт грудную клетку. — Они нас засекли.

Кайлен кивнул.

— У нас есть три минуты, — сказал он. — Пока они не передали координаты флоту.

Ривен посмотрела на него. На его броню, поглощавшую свет. На его глаза, серые, как камень. И поняла, что он не боится. Что он никогда не боялся. Что он был инструментом, и инструмент не боится, инструмент работает.

— Три минуты, — повторила она. — Достаточно, чтобы найти девочку. И недостаточно, чтобы сбежать.

Кайлен посмотрел на неё долго. Потом медленно кивнул.

— Тогда мы не будем сбегать, — сказал он. — Мы будем работать.

И Ривен поняла, что он прав. Что они не будут сбегать. Что они будут работать. Что они найдут девочку. Что они спасут её. Или умрут, пытаясь.

Она положила руку на рычаг управления. Её ладонь была влажной от пота.

— Курс на Камино, — сказала она. — Погружение через три минуты.

И «Соловей-Разбойник» нырнул в атмосферу мёртвой планеты, и впереди был мёртвый океан, имперский флот и ребёнок с серебром в венах.

ГЛАВА 3. ПОГРУЖЕНИЕ

«Соловей-Разбойник» вошёл в атмосферу Камино не как корабль, а как камень, брошенный в густой, серый кисель.

Рёв плазмы, обтекавшей лоскутную обшивку, был оглушительным, но Ривен слышала только пульс в своих висках — частый, неровный, бьющийся о черепную коробку, как кулак заключённого о стальную дверь. Температура в кабине подскочила до пятидесяти градусов. Пот струился по спине, впитываясь в воротник куртки, которая когда-то была белой, а теперь стала цвета окалины и машинного масла. Индикатор «Двигатель-2» на панели горел неистовым алым светом. Если температура поднимется ещё на пять градусов, титановые лопатки турбины поплывут, и корабль превратится в комету.

— Держи угол в семнадцать градусов! — крикнула она, перекрывая вой. — Если заваляшься на левый борт, нас закрутит! Спонсоны от АТ-ТЕ не удержат такую массу!

— Я держу, — голос Кайлена в интеркоме был лишён напряжения. Он звучал так же ровно, как гудел реактор.

Ривен бросила взгляд через плечо, в грузовой отсек. Кайлен стоял, широко расставив ноги, держась за потолочный поручень. Его не прижимало к переборке перегрузкой в три «же», потому что русин на его груди работал как гравитационный компенсатор. Металл впитывал кинетическую энергию падения, превращая её в тепло. Ривен видела сквозь смотровое окно отсека, как нагрудник Кайлена начал тускло светиться вишнёвым — не от внешнего жара, а от внутреннего резонанса.

За иллюминатором не было ничего. Только серая, густая взвесь. Камино не показывала поверхность. Планета была мертва, и её атмосфера была могилой.

Ривен чувствовала, как перегрузка давит на грудь, как рёбра сжимаются, будто в тисках, как каждый вдох требует усилия, которое она не могла себе позволить. Её руки лежали на штурвале, пальцы побелели от напряжения, ногти впивались в потрескавшуюся кожу обивки. Она помнила этот вкус — металлический, кислый, как кровь на языке. Она чувствовала его пять лет назад, на Мустафаре, когда её шаттл горел, когда она вытаскивала троих детей из горящего корабля, когда один из снарядов Вейдера попал в двигатель, и когда она поняла, что не успеет. Она успела. Вкус остался.

— Через тридцать секунд входим в нижний слой, — процедила Ривен сквозь зубы, сбрасывая остатки мощности реактора на маневровые дюзы. — Там плотность как у воды. Если грав-сканер врёт хотя бы на полпроцента...

Она не закончила. Корабль тряхнуло так, что зубы лязгнули, а перед глазами поплыли чёрные пятна. Это был не турбулентный поток. Это было физическое сопротивление. Они падали не в воздух. Они падали в океан, который стоял на месте.

— Визуальный контакт — ноль, — доложила Ривен, глядя на мёртвый дисплей. Электроника слеpla от электромагнитного эха затонувшего Типока-Сити. — Навигация по инерции. Мы слепы.

— Я вижу, — сказал Кайлен.

Ривен знала, что он имеет в виду. Он не видел глазами. Русин на его ногах, на бёдрах, на предплечьях вибрировал. Он был подключён к нервам Кайлена, проросший под кожей через тысячи микроигл, которыми его вводили при первой ковке, ставший второй кожей, вторыми костями. Там, внизу, на глубине, под тоннами мутной воды и пластика, дремала Древняя Кузня. И она пела.

— Резонанс растёт, — сказал Кайлен, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало что-то похожее на удивление. — Она не просто там. Она... ждёт.

— Мне плевать, что она делает, — огрызнулась Ривен, вытирая заливающий глаза пот.
— Мне нужен вектор. Дай мне точку. Или мы станем частью этого океана через две минуты.

Кайлен закрыл глаза. Он не молился. Он слушал металл. Он позволил Силе, которая была мутной на Корусанте и пустой на Руси, течь через русин, как ток по кабелю. Он чувствовал внизу не камень. Он чувствовал геометрию. Останки шпилей Типока-Сити, пронзающие ил. Трещину в коре. И тепло. Древнее, подземное тепло Кузни.

— Лево на два градуса, — сказал он. — Сбрось скорость до одной десятой. Мы входим в тень южного шпиля. Там вход в трещину. Металл укажет путь.

Ривен стиснула штурвал. Пальцы её побелели.

— Металл укажет путь, — повторила она с горькой усмешкой. — Докатились. Навигация по призракам.

Она потянула рычаг. «Соловей» вздрогнул, замедляя смертельное падение. Серая мгла за иллюминатором начала редеть, превращаясь в абсолютную, подводную тьму.

— Фары, — скомандовал Кайлен. — Инфракрасный спектр. И включи магнитные захваты. Если двигатели сдохнут при посадке, я не хочу искать тебя в иле.

— Заботливый какой, — буркнула Ривен, щёлкая тумблерами. — Для инструмента.

Пальцы её больше не дрожали. Теперь у них был план. Безумный, самоубийственный, но план. Спуститься на дно мёртвого мира, найти живой огонь и забрать то, что принадлежит им по праву крови. Или металла.

Корабль вошёл в воду с ударом, от которого Ривен почувствовала, как её позвоночник сжался, как будто кто-то ударил её кулаком в спину. Вода была не водой — она была густой, мутной, с взвесью пластика, металла, пепла, и она давила на обшивку с такой силой, что дюрал-таль начала стонать, как живое существо в агонии.

— Давление растёт, — доложила Ривен, глядя на приборы, которые теперь показывали только цифры, лишённые смысла. — Тысяча метров. Две. Три. Обшивка не выдержит пяти.

— Мы уже на четырёх, — сказал Кайлен. Его голос был ровным, но Ривен слышала в нём напряжение — не в голосе, а в гуле русина, который теперь вибрировал так сильно, что переборки резонировали в такт. — Кузня близко. Я чувствую её.

— Я тоже чувствую, — пробормотала Ривен. — Как давление на виски. Как перед тем, когда лопаются сосуды в глазах.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали. Не от страха — от усталости. От перегрузки. От пятидесяти градусов в кабине, от пота, который заливал глаза, от вкуса крови на языке, который не исчезал. Она вспомнила, как пять лет назад, на Мустафаре, она сидела в таком же кресле, в таком же поту, и как её шаттл падал в атмосферу планеты, которая горела, и как она думала, что это конец, и как она не боялась, потому что у неё не было времени на страх, и как она вытащила троих детей, и как один из них — маленькая тви'лекша с большими глазами — посмотрела на неё и сказала: «Спасибо». Ривен не ответила. Она не могла. У неё не было слов. Только вкус крови на языке.

— Четыре тысячи восемьсот, — сказала она. — Обшивка на пределе. Если мы не найдём вход через минуту, нас раздавит.

— Вход здесь, — сказал Кайлен. — Прямо под нами. Трещина в коре. Глубиной одиннадцать километров. Кузня на дне.

— Одиннадцать километров? — Ривен рассмеялась коротко, нервно, как человек, который понял, что сошёл с ума. — Мы не долетим. Давление убьёт нас на семи.

— Долетим, — сказал Кайлен. — Если ты сбросишь балласт.

— Какой балласт?

— Всё, что не нужно. Грузовой отсек. Запасные части. Кофе из турбины.

— Кофе? — Ривен посмотрела на него через смотровое окно. — Ты серьёзно?

— Серьёзно. Каждые сто килограммов — это скорость, с которой мы всплываем. Выбери-рай.

Ривен посмотрела на панель. Запасные части — тридцать процентов массы грузового отсека. Кофе — пять. Её собственные вещи — десять. Она нажала кнопку сброса. Корабль вздрогнул, стал легче, и давление на обшивку уменьшилось на долю процента.

— Пять тысяч, — сказала она. — Шесть. Семь. Обшивка стонет.

— Держи, — сказал Кайлен. — Ещё немного.

Корабль вошёл в трещину, и Ривен почувствовала, как стены сжимаются вокруг них, как вода становится темнее, как давление растёт с каждым метром, и как её уши заложило, и как она перестала слышать свой собственный голос. Она видела, как двигаются губы Кайлена, но не слышала слов. Только гул. Только вибрацию. Только стон дюрастали, которая вот-вот лопнет.

— Восемь, — сказала она, и её голос прозвучал как шёпот, хотя она кричала. — Девять. Десять.

— Одиннадцать, — сказал Кайлен. — Мы на месте.

Корабль ударился о дно с такой силой, что Ривен почувствовала, как её голова ударилась о подголовник, как что-то хрустнуло в шее, как во рту стал вкус крови — не тот, что был раньше, а новый, свежий, горячий. Она моргнула, и перед глазами поплыли красные пятна. Она попробовала повернуть голову, и шея отозвалась болью, острой, как удар ножом.

— Жива? — спросил Кайлен.

— Жива, — ответила Ривен, и её голос прозвучал хрипло, как у человека, который долго не говорил. — Но шея, кажется, сломана.

— Не сломана. Трещина. Переживёшь.

Она посмотрела на него через смотровое окно. Он стоял там же, где и раньше, держась за поручень, и его броня больше не светилась вишнёвым. Она была чёрной, матовой, поглощающей свет, и Ривен поняла, что он не чувствовал боли, не чувствовал удара, не чувствовал ничего, кроме металла, который теперь молчал, потому что они достигли цели.

— Открывай шлюз, — сказал он. — Нам нужно выйти.

— Выйти? — Ривен рассмеялась снова, и на этот раз смех её был похож на кашель. — Ты хочешь выйти? На дно океана? Под давлением в четыреста атмосфер?

— Броня выдержит, — сказал Кайлен. — Твоя — нет. Но я дам тебе кислородный баллон и компенсатор давления. Ты будешь идти за мной.

— Я не пойду, — сказала Ривен. — Я останусь здесь. С кораблём.

— Нет, — сказал Кайлен. — Ты пойдёшь. Потому что если я найду девочку, мне нужен будет кто-то, кто сможет её вытащить. А я не смогу. Броня не предназначена для того, чтобы нести детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.